поздних русских силлабиков (вернее, уже неосиллабиков) с придворной культурой последних фаз итальянского ренессанса. Данте и даже треченти́сты им мало интересны, но неорыцарская поэма эпохи рефеодализации Италии, придворная ода, медицейская и римская, блестящая формальная культура поэтов XVI—XVII вв.— естественный ориентир для той светско-аристократической поэзии, которую они строят. А так как Кантемир, до отъезда в Лондон, примыкал к политическому и литературному направлению Феофана, то можно думать, что элементы итальянской поэтической культуры были наличны и в его литературном сознании. Вряд ли (случайно сохранившиеся) октавы Феофана (написанные ровно за 100 лет до Болдинских октав) были единственными у него и у поэтов 1720-х годов. Если бы мы знали весь литературный материал эпохи, вполне вероятно, что перед нами воскресла бы целая струя в истории поздней силлабики, и нас не удивляло бы то, что Кантемир в Лондоне сразу окружает себя итальянцами, погружается в изучение итальянской литературы и несколько лет живет интересами литературно-артистической итальянской колонии.

Возможно, что здесь реализуется не только семейно-левантинский, но, условно говоря, и Феофанов итальянский потенциал. То, что представляется нам единоличной ориентацией, при полном знании материала, возможно, оказалось бы завершением долгой и серьезной классовой тенденции в общей очень сложной истории последней фазы развития русской силлабики.

3

Такой крупный исследователь, как Л. Н. Майков, отчетливо понимал (М., стр. 1), как важно выяснить, что представляло итальянское окружение Кантемира в Лондоне, кто были эти люди, в какой мере Кантемир усвоил их литературные взгляды, и какие именно. Свойственное большому ученому проблемное чувство говорило Л. Н. Майкову, что здесь именно пролегает существенный для развития Кантемира момент, незамеченный прежними биографами, которые, дойдя до лондонского периода, ограничивались обыкновенно подробным пересказом дипломатической деятельности Кантемира, с глухим попутным упоминанием об итальянских литературно-артистических связях, повторявшим, без единой новой черты и без попытки осмысления, сообщение Гуаско (так напр., у Стоюнина, I, стр. LXXXVII). Разыскания в рукописном отделе Бодлеевой библиотеки в Оксфорде, произведенные В. Але-